

Можно сделать и ряд замечаний по поводу отдельных частных недостатков книги. Ни в рецензируемой книге, ни в «Грамматике» (ср. § 1057 и 1071) не оговорены акцентные отношения типа *брáлся — бра-лсь — бралсь* или *не́ дал — не далá*. Их нужно описать. Вряд ли стоит рекомендовать *медведёй*, — *я́м* как допустимый, а *скоблши́* как обязательный варианты. В данном случае (что обычно и делается автором) надо более обстоятельно и критически выверить источники. Разграничение ударения в причастиях (принадлежность к акцентной кривой В или С) нужно поставить в зависимость от наличия слога в суффиксе страдательных причастий прошедшего времени; это по существу и делается в работе, но в неявном виде. Не следует безоговорочно характеризовать русское ударение только как дина-

мическое и силовое. Экспериментальные данные ясно обнаруживают его количественный характер¹⁰. При повторном издании желательно снабдить книгу указателем терминов и именным указателем.

Т. Г. Хазагеров

¹⁰ См.: Л. В. Златоустова, Фонетическая природа русского словесного ударения (на основе экспериментальных данных). АКД, Л., 1953; Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, стр. 297; Л. Л. Булакин, Фонетика современного русского литературного языка, Л., 1971, стр. 162; Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. П. Щербак о в, Об определении места ударения в слове, ИАН ОЛЯ, 1973, 2, стр. 143 и сл.

А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., изд-во «Наука» ЛО, 1970. 204 стр.

Монография А. М. Щербака принадлежит к числу наиболее значительных работ по тюркской фонетике, появившихся за последние десятилетия как в Советском Союзе, так и за рубежом. По объему, актуальности и сложности рассмотренных в рецензируемой книге вопросов, по детальности их освещения она является наиболее полным и обстоятельным исследованием среди всех фонетических работ, вышедших в послевоенные годы в области тюркологии.

Рецензируемая книга заключает в себе систематическое сравнительное описание фонетики современных тюркских языков с привлечением большого числа диалектных данных. Хотя весь этот материал привлечен автором для фактического обоснования реконструкции фонетического состава тюркского языка-основы и его дальнейшей эволюции, он имеет, однако, также и самостоятельное значение как систематизированный источник новейших сведений по основным разделам фонетики различных тюркских языков и по истории фонетических исследований в тюркском языкознании.

Именно этим обусловлен пропедевтический характер изложения большинства основных явлений, освещаемых в книге. Такая особенность изложения представляется оправданной как состоянием теоретической работы в области тюркской фонетики, так и соображениями учебно-методического порядка (если иметь в виду нужды высшей школы в тюркоязычных республиках и областях).

В рецензируемой книге намечена если и не программа, то во всяком случае совокупность существенных для тюркологии

фонетических проблем и тем, разработка которых должна внести много нового в различные отделы описательной и сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, из которых последняя пока еще изучена слабо.

Монография имеет определенный и ясный замысел. Он состоит в том, чтобы, опираясь на имеющиеся в тюркском языкознании наблюдения, восстановить фонологическую систему общетюркского языка-основы и затем, снова вернувшись к нашему времени, проследить судьбы этой системы. Все, или почти все, в монографии подчинено этому замыслу.

Рецензируемая книга состоит из краткого «Предисловия» (стр. 3—4), «Сокращений» (стр. 5—8), «Введения» (стр. 9—25), где выражено отношение автора к алтайской гипотезе, обрисованы объект, цель и методы фонетического исследования, его материалы и источники, а также применяемая транскрипция. В гл. I «Фонология синхронных срезов» (стр. 26—142) рассмотрены элементарные фонологические единицы, причем поочередно дается анализ дифференциальных признаков гласных и согласных фонем (качественные и количественные признаки); в результате этого анализа реконструируются фонологические системы гласных и согласных фонем тюркского праязыка. В специальных разделах этой главы рассматриваются комплексные фонологические единицы (слог, слово, просодические явления), характеризуется фонологическая нагрузка тюркских звуков и просодических явлений и в заключение дается описание фонологической системы тюркского протоязыка. В гл. II «Историческая фонетика»

(стр. 143—185) дается обзор фонетической эволюции сначала гласных, затем согласных (в том числе — протетических). Книгу заключают гл. III «Диахроническая фонология» (стр. 186—192) и «Приложение» (стр. 193—202), включающее в себя «Список общетюркских односложных слов» и различные указатели.

Одним из достоинств книги является ее фундаментальность, которая распространяется на все элементы исследования, включая сюда и исходные лингвистические понятия, а также методы, которыми пользуется А. М. Щербак. Основным методом, который применяется в рецензируемой книге, является сравнительно-исторический. Более ограниченное использование ареального и типологического освещения исследуемых вопросов объясняется недостаточной разработанностью самих этих методов в тюркологии. В то же время можно согласиться с тем, что автор придает важное значение ареальным отношениям при сравнительно-историческом изучении тюркских языков, в частности, при историко-фонетических разысканиях.

Сильной стороной книги следует считать тщательную аргументированность выдвигаемых самим автором положений или разбора и оценки положений, уже предлагавшихся в науке. Это касается многих разделов исследования и, в частности, интересного и хорошо обоснованного подраздела о происхождении этимологических долгот в тюркских языках (стр. 122—138).

С первых же страниц исследование захватывает внимание читателя. Причин тому много. И одна из них — это сочетание богатства идей и теоретической строгости с обилием и богатством фактических данных, сочетание смелости мысли с исследовательской трезвостью и осторожностью.

Полноту, основательность и многосторонность освещения исследуемых в книге фонетических вопросов¹ можно показать хотя бы на примере подраздела об основах с этимологически долгими гласными в первом слоге. Списки основ с первичными долготами составлялись уже не раз, особенно в последние десятилетия. В монографии А. М. Щербака с большой тщательностью, нередко по крупицам, собраны факты этимологических долгот по всем тюркским языкам и по всем письменным памятникам, в результате чего специалисты в настоящее время могут пользоваться

наиболее полным списком тюркских лексических основ с первичной долготой (стр. 127—128, 130—131, 135—136). Пропуски слов в списке немногочисленны (отдельные примеры из старокыпчакских памятников, саларского, киргизского и некоторых других языков). Раздел, относящийся к доказательству существования первичных долгот в общетюркском языке-основе, — один из наиболее удачных по полноте материала и филигранности его обработки.

В большом обзоре всех попыток объяснения происхождения этимологических долгот в тюркских языках (стр. 122—129) свои критические соображения и доводы автор подкрепляет обширными материалами из области так называемых «распространенных» и простых основ, чувашско-туркменско-якутскими сопоставлениями форм одних и тех же слов, причем туркменским и якутским односложным основам, нередко с кратким гласным, соответствуют двухсложные чувашские основы. Отсюда делается вывод об отсутствии более или менее регулярных соответствий между чувашскими двусложными основами и односложными основами с долгим гласным в туркменском и якутском языках.

Осторожность и трезвость автора в подходе, например, к вопросу о двух типах *e* в составе реконструируемого им фонологического состояния тюркского языка-основы позволили ему отнестись существование двух типов *e* к ареальной особенности южнотюркских языков; для общетюркского вокализма восстанавливаются лишь краткий и долгий *a/ā*.

Исследование построено на хорошо систематизированном материале большинства современных и древнейших тюркских языков. В частности, широко использованы результаты фонетико-экспериментальных работ по различным тюркским языкам, многочисленные диалектологические исследования и др. Автор не пропустил ничего существенного из имеющихся в тюркологии сведений, прямо или косвенно относящихся к фонетике конкретных тюркских языков.

В связи с этим уместно коснуться еще одного вопроса — роли материалов чувашского языка в сравнительно-тюркологических разысканиях. Чувашские данные в таких работах нередко предстают изолированными, не укладывающимися в рамки обще- или межтюркских законосообразностей.

А. М. Щербак не следует этой традиции, и многие фонетические черты чувашского языка в его книге получают обоснованную интерпретацию как проявление тенденций, свойственных ряду тюркских языков. Весьма внушительно само число наблюдений над чувашским языком, собранных в книге — многие из них, сделанные в разное время советскими и зарубежными тюркологами, автором провере-

¹ Заметим, что А. М. Щербаком изучена большая литература по вопросам как общей, так и частной фонетики (не только тюркологическая, но финно-угроведческая, индоевропейская и др.), причем по ряду вопросов охват этой литературы носит исчерпывающий характер.

ны и проанализированы; ряд наблюдений выполнен самим автором.

Рецензируемая книга сохраняет тесную преемственность со всем, что было до настоящего времени добыто трудами тюркологов в сфере описательной и исторической фонетики тюркских языков, сохраняет верность проверенным обширным опытом советских языковедов представлениям и установкам в области фонетических исследований. Научное наследие, которым воспользовался А. М. Щербак, в ряде случаев оказалось обогащенным новыми фонетическими наблюдениями, накопившимися за последние десятилетия, главным образом, в советской тюркологии.

Обратимся к центральной теме рецензируемой монографии — реконструкции фонологической системы общетюркского языка-основы. Из всего хода изложения можно заключить, что реконструируемая картина фонетического строя общетюркского языка-основы отнесена автором ко времени, близкому к верхнему пределу эпохи общетюркского языка с его уже значительной диалектной филиацией. Фактические сведения о тюркских языках и их истории не дают пока оснований для фонетической реконструкции на более ранних стадиях.

Ценность реконструкции фонемного состава общетюркского языка (в книге она выводится как итог самой обширной гл. I «Фонология синхронных срезов», стр. 26—142), как и любой научной гипотезы, определяется степенью ее фактической обоснованности, способностью непротиворечиво объяснить эволюцию пратюркских фонем до их современного состояния в ареальных группах и отдельных языках.

В этом смысле построение А. М. Щербака, например, в области гласных, с фактической стороны более мотивировано, чем у ряда его предшественников, и вполне удовлетворительно объясняет некоторые факты отдельных тюркских языков (например, азербайджанского). Само собой разумеется, что на современной ступени историко-фонетических разработок по тюркским языкам предположение автора не единственно возможное и что могут быть сформулированы иные допущения.

Остается пока открытым важный и трудный вопрос о чередовании широкых — узких гласных, которое пронизывает всю систему тюркского вокализма. Несмотря на аргументы автора, приводимые им в пользу эволюции слов с узким корневым гласным в тувинском языке из формы с широким гласным, вопрос, например, об *a ~ y* пока далек от своего решения и допускает возможность иного направления поисков.

Сложна картина реконструируемого в книге пратюркского консонантизма. Если предполагаемые А. М. Щербаком оппозиции пратюркских гласных прослеживаются в целом ряде случаев в древних и во всех случаях в современных тюркских

языках, то такая, например, оппозиция согласных, как шумность — сонорность (стр. 85 и сл.) не имеет распространенного фонетического проявления в большинстве тюркских языков — в форме ли чередований, дублетных форм и др., а без этого реконструируемые фонологические отношения приобретают умозрительный характер. С фактической стороны названная оппозиция или не изучена (*k/ŋ*) или все еще дискуссионна (*s/š — r/l*), исторически едва обследована. Таким образом, для реконструкции оппозиции несонантность/сонантность как фонологически значимой для общетюркского языка-основы (стр. 106) предложенные основания недостаточны.

Недостаточны они, как нам представляется, и для восстановления **θ* как архетипа *j-*, поскольку невозможно доказать что чувашский и якутский корреляты начального *j-*, т. е. *ś* и *s* (стр. 79), не вторичны в этих языках.

Во всяком случае для включения указанных характеристик в фонологическую систему пратюркского консонантизма доводов гораздо меньше, чем для принятия оппозиции глухие/звонкие (лучше: сильные/слабые) в качестве отдельной черты пратюркских согласных, поскольку фактическое проявление этой черты очевидно в древнейших памятниках — как в лексических основах (*as- — az-, kes- — kez-, aq- — aγ-, toq- — toγ-, oqlayū «круглый» — oylayū «нежный», ata «отец» — ada «бедствие»* и ряд других), так и в аффиксах, которые, конечно, уже существовали в языке-основе [ср. в старейших текстах словообразовательные аффиксы *-(a)γ- — -(a)q, -liq — -liγ* и др.]. Однако данную оппозицию автор не включил в свою схему пратюркского консонантизма.

Помимо реконструкции, в рецензируемой монографии можно найти много новых наблюдений, относящихся к более общим или частным вопросам. Из многочисленных разработок можно указать, например, на выясненные А. М. Щербаком условия разграничения *ä — ë* в заимствованиях в азербайджанском, уйгурском и других языках (стр. 153), весь раздел о размещении фарингализованных гласных (стр. 42—47) и др.

Новые важные наблюдения проведены автором в области вокализма неодносложного слова (стр. 59—76), особенно в первых слогах. Эта тема, которой мало занимаются за рубежом², в Советском

² Во всяком случае после содержательной работы Г. Бергштрессера на материале стамбульской речи турецкой интеллигенции (G. Bergsträsser, Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache, ZDMG, 72, 1918; турецкий перевод: G. Bergsträsser, Türk fonetiği, İstanbul, 1936) аналогичных исследований не появлялось — может быть, за исключением кн.: В. С. 1-

Союзе вновь начинает разрабатываться, по традиции — в фонетико-экспериментальном плане.

Много свежих и плодотворных мыслей можно найти в книге по дискуссионному вопросу о ротацизме и ламбдаизме в чувашском языке (стр. 84—88). Присовокупляя к фактам чувашского языка спорадические проявления остатков ротацизма и ламбдаизма в других тюркских языках (стр. 87—88), А. М. Щербак приходит к правильному выводу о значительной древности (но не исконности) самого явления.

Совершенно новым является в монографии подраздел о слоге (стр. 107—110), где отражены идеи о строении слога, высказывавшиеся в специальной литературе последних лет, и показана их плодотворность. Пока это только начало изучения слога в тюркских языках с новых теоретических позиций, более основательная и углубленная работа тюркологами еще предстоит.

Представляется плодотворной идея автора о том, что «палатальная гармония гласных, по-видимому, развилась на основе слогового сингармонизма...» (стр. 121); в результате преобразования гармонии звуков в гармонию слогов функция разграничения слов приобретает для последней основополагающую значимость (стр. 122). К подобной идее на другом материале пришел еще раньше чувашевед В. И. Котлеев³.

Гл. II «Историческая фонетика» (стр. 143—179) посвящена описанию исторической эволюции пратюркской фонологической системы и анализу результатов этой эволюции.

В настоящее время тюркология не в состоянии воспроизвести в деталях фонетическую историю, последовательную эволюцию (или хотя бы основные направления развития) фонологической системы языка-основы, взятой в целом, а также отдельных ее единиц. Все это откладывается пока на будущее. Заслуживает внимания поэтому попытка автора восстановить в общих чертах ход исторического развития отдельных звуков. В гл. II дается подробный обзор существующих взглядов на эти процессы; автор излагает собственные представления на этот счет, пытается в то же время выяснить роль внесистемных факторов в фонетической эволюции тюркских языков; намечает определенные этапы в развитии тех или иных звуков и т. д. В главе много интересного, много творческой инициативы, насыщенности фактами, т. е. всего того, что будит

исследовательскую мысль. При всех несомненных достоинствах гл. II можно заметить, что ее последняя часть местами носит фрагментарный или беглый характер.

О значении работы А. М. Щербака и интересе к ней можно судить, между прочим, и по рецензиям, которые появились в Советском Союзе и за рубежом и в которых подняты принципиальные и методические вопросы историко-тюркологических исследований, заслуживающие специального рассмотрения.

В рецензии Р. Г. Ахметьянова⁴, например, предпринята новая попытка доказательств фонетической эволюции $p \rightarrow a$ (δ, с), для чего используются специально сформулированные три методических правила, а также принцип большей распространенности форм с -р, чем с -а. Согласно основному из этих методических правил, фонетические инновации всегда проявляются в более узкой области (в пространственном, временном, внутриязыковом смысле), чем предшествующее, «базисное состояние» звука. Но поскольку явление ротацизма наблюдается более всего в ауслауте лексических основ неясного морфемного состава, то именно формы с -р, имеющиеся только в чувашском и булгарском языках, образуют узкую область, тогда как подавляющая часть тюркских языков имеет соответствующие формы на -а. Таким образом, факты идут вразрез с замыслом Р. Г. Ахметьянова, как, впрочем, и некоторые его примеры, призванные подтвердить эволюцию $p \rightarrow a$ ⁵.

⁴ «Советская тюркология», 1970, 5. См. также рец. О. Сулейменова в газ. «Қазақ әдебиеті», № 13 (1103) от 24 III 72.

⁵ Таковы примеры, приводимые в рец. Р. Г. Ахметьянова на стр. 126: $\frac{азы(э)}{ааа(е)}$ и т. д. «клык» от глагола *азы(аа-)* «разжевывать еду/пищу» + -э/-е; *казан/казган* — общетюркская форма (кроме чуваш. *хуран*); *кызыл* — общетюркская форма; татар. диалектн. *бузарлан* — «есть по горло» — вторичная форма, но более первичное *бузгаз* «горло»; ср. также татар. *бирчэй* — «покрыться мозолями», но *биз* «мозоль», татар. *кайыры* «кора дерева», но *кайыз* «обделанная кора»; *көк(у)-рек* «грудь», но межтюрк. *көкүз*, общетюрк. *тирсек* «локоть», но *тиз*; татар. *умрау* «ключица», но огуз. *омуз*. Не следует смешивать производные с аффиксами -ураг (-ур — глагольный показатель) и -уз (именной показатель). Заметим также, что -(у)з в *игиз* «двойня» — показатель двойственности (или: коллективности) и к *йигирми* «двадцать» отношения не имеет; межтюрк. *сер* — «ощупывать» и *сез* — «чувствовать» не гомогенны; *балдырган* «молодой; неопытный» к *балдыз* «свояченица» не имеет прямого отношения — так же, как

l i n d e r, Reichstürkische Lautstudien, Uppsala — Leipzig, 1939 (см. рецензии: J. B e n z i n g, OLZ, XLIV, 1941; H. W. D u d a, ZDMG, 94 [N. F. 19], 1940).

³ В. И. Котлеев, Чувашский вокализм в сравнительном освещении. АКД, М., 1966.

Как видим, методические правила Р. Г. Ахметьянова в таком виде оказались недостаточными для исторического анализа ротацизма — тем более, здесь следует учитывать, что новая фаза в фонетическом развитии (инновация), часто ограниченная в своем распространении на первых порах, в дальнейшем может охватить всю относящуюся к ней область и вызвать к жизни новые внутрисистемные отношения, как это неоднократно наблюдалось в истории тюркских языков. Таков, например, переход $-e/-ə > -\ddot{u}/-\ddot{y}-$ в турецком, азербайджанском, во многих кыпчакских языках, который начался не позднее XIII в.⁶; $-(a)ə > -(a)v$ в туркменском и турецких диалектах; $-ə/-ə > -e/-e, -ə/-ə > -\ddot{u}/-\ddot{y}-$ в кыпчакских и огузских языках.

Более обширен круг принципиальных (методологических) и методических вопросов, поставленных в рецензии Г. Дёрфера⁷.

Накопленные на сегодня наблюдения по конкретным тюркским языкам, особенно — по их ареальным объединениям, не позволяют пока в отношении ряда важнейших фонетических явлений сформулировать точные правила их функционирования в конкретных языках. Это относится, в частности, к сложному и нуждающемуся в основательной разработке явлению губной гармонии гласных, которая, например, в казахском языке, согласно одним источникам, распространяется и на широкие гласные первого ряда во втором и третьем слогах⁸, согласно другим источникам — «... в современном литературном казахском языке губная гармония гласных не играет сколько-нибудь замет-

ной роли»⁹. Решения этого вопроса мы не находим и в специальном исследовании, посвященном фонетическим вариантам слов в казахском языке¹⁰. Столь же противоречивы сведения о широких губных гласных в туркменском языке. По одним источникам огубление широких гласных в непервых слогах не наблюдается¹¹, по другим оно, наоборот, обычно для литературного языка и некоторых диалектов и легко улавливается при слуховом наблюдении¹². Поэтому группировать тюркские языки по состоянию в них прогрессивной губной гармонии (как это в свое время пытался делать В. А. Богордицкий) сегодня было бы преждевременно, поскольку не осуществлены необходимые предварительные уточнения, а для отдельных тюркских языков отсутствуют и непосредственные наблюдения.

Другой пример. В тюркологии издавна вызывает живой интерес вопрос о распределении начальных смычных согласных в ареальных группировках и отдельных языках. В последние десятилетия наряду с традиционной точкой зрения о первичности начальных глухих и вторичности звонких смычных (кроме $b-$) была выдвинута другая точка зрения, в соответствии с которой начальные звонкий и глухой смычный, например, в юго-западных языках восходят к пратюркскому состоянию, в котором $*\delta-$ и $*m-$ фонологически различались.

При этом оставляют без внимания тот факт, что глухость и звонкость начальных смычных во многих случаях является вторичной. Уже давно говорилось в тюркологии (и в подтверждение этому можно вновь привести множество фактов) о существовании в юго-западных языках устойчивой тенденции к оглушению звонких начальных смычных. Эта тенденция обнаруживается при простом сравнении форм лексических основ в современных юго-западных языках, их памятниках и диалектах или же при сравнении их с исходными формами основ, заимствованных из других языков в относительно недавнее время. Ср., например, в туркменском: $s\ t- - t\ a:na < d\ a:na$ «теленка», $t\ a:na < d\ a:na$ «палка», $t\ erpen- < d\ erpen-$ «шевелиться», $t\ iken < d\ iken$ «колючка», $t\ ik- < d\ ik-$ «шить», $t\ o:shan < d\ a:shan$ «заяц», $t\ o:gan < d\ o:gan$ «девятисто»,

межтюрк. *бурчи-* «беспокоить» к *буз-* «испортить»; наконец, именной привативный аффикс *сыз* и отрицательный показатель тюркского аориста *-маз* не коррелятивны, и все их элементы, включая *-з*, гетерогенны.

⁶ См., например: M. Th. Houtsma, *Ein türkisch-arabisches Glossar*, Leiden, 1894; A. Caferoğlu, *Abû Hayyân, Kitab al Idrâk li-lisânal-Atrâk*, İstanbul, 1931; A. Bombaci, «La Regola del parlare Turcho» di Filippo Argenti, Napoli, 1938.

⁷ G. Doerfer, *Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre*, «Orientalistische Literaturzeitung», 66, 7/8, 1971. Наши замечания по поводу рецензии Г. Дёрфера см. в нашей статье «К источникам и методам пратюркских реконструкций» (ВЯ, 1973, 2). Из других рецензий см.: N. Porre, «Linguistics an international review», 100, 1973, стр. 96—101.

⁸ А. Джунисбеков, Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). АКД, Алма-Ата, 1969, стр. 26.

⁹ «Современный казахский язык. Фонетика и морфология», Алма-Ата, 1962, стр. 100.

¹⁰ С. Б. Бизаков, Фонетические варианты слов в современном казахском языке. АКД, Алма-Ата, 1972, стр. 13—15, 19, 21 и др.

¹¹ «Грамматика туркменского языка», ч. I — Фонетика и морфология, Ашхабат, 1970, стр. 56—57.

¹² Ж. Амансарыев, Туркмен диалектологиясы. I, Ашгабат, 1970, стр. 162.

тур- < дур- «вставать»; с п- — палта < балта «топор», палчык < балчык «глина», па:ч < ба:ж — ист. «дань», пи:л < би:л «лопата», полат < болат «сталь», по:са < перс. бу:са «поцелуй», ну:да- < бу:да- «пасыноковать», нытра- < бытыра- «дробиться», пычак < бычак «нож». Ср. также заимствования в турецком из персидского, французского, испанского и др.: pazar < bāzār «рынок», patates < batat-es «картофель», poyraz < boreas «северный ветер», potin < bottine «ботинки», kah < gāh «иногда», patiska < batiste «батист», kaloş < galoch «галопши», kangren < gangrène «гангрена». Можно было бы привести данные азербайджанского языка, где случаев оглушения начальных звонких смычных не меньше (если не больше), чем в турецком, а также данные других тюркских языков (некоторые примеры приведены в рецензируемой книге — см. стр. 91—94).

Ясно, таким образом, что без более углубленного, чем это делалось прежде, изучения различных лексических прослоек¹³ в юго-западных (и других) языках и без их разграничения невозможно решить в историческом разрезе вопрос о глухости — звонкости начальных смычных в тюркских языках (в частности, в кумыкском и крымско-татарском).

Заметим попутно, что лексических основ (тех же или разных, это дела не меняет) с начальным глухим смычным в юго-западных языках едва ли меньше (или: немногим меньше), чем основ с начальным звонким смычным. Объяснить этот факт смещением диалектов (стр. 19) можно, только отказавшись от понятия фонетической системы языка.

Приведенные выше факты из области губной гармонии гласных и глухости — звонкости начальных смычных в рецензируемой книге не учтены или учтены крайне недостаточно.

Еще один пример. В рецензируемой книге указано, что в юго-западных языках при наращении основ аффиксами, имеющими гласную в аялауте, глухие п, т, к озвончаются в односложной основе при условии, если гласный в ней долгий, и при любом гласном в последнем слове неодносложной основы (стр. 102). Однако несколькими строками ниже уже говорится, что в заимствованиях и некоторых собственно тюркских словах «... независимо от того, какое количество слогов они включают в себя, озвончение к и т обычно не происходит» (там же).

Фактически картина озвончения глухих п, т, к (и, добавим от себя, ч) много сложнее. Так, конечные -к в неодносложных словах тюркского корня при аффиксации,

как известно, регулярно озвончаются во всех огузских языках — туркменском, турецком, азербайджанском, а в туркменском также и в заимствованиях. В турецком конечный -к в заимствованиях, если он глухой в языке-источнике, при аффиксации основы не озвончается. Примеры для этого случая общеизвестны: ср. idrak — -ki (араб.) «постижение», ahlāk — -ki (араб.) «нравственность», afak — -ki (араб.) «горизонты», emlāk — -ki (араб.) «имущество», erzak — -ki (араб.) «продовольствие» и т. д.

Конечный -т в основах тюркского корня во всех трех названных языках может или озвончаться или оставаться глухим: ср. туркм. айгым — -ты «ясность», но айрым — -ды «развилка», алымт — -ды «взятка» и др.; турецк. bulut — -tu «облако, туча», yakıt — -tı «горючее», но geçit — -di «проход», tokat — -di «попечина», yoğurt — -du «кислое молоко» и т. п. Такое же положение наблюдается и в азербайджанском.

В заимствованиях при их аффиксации конечный -т, оказавшись в интервокальном положении, как правило, сохраняет глухость (в туркменском временами даже после долгого гласного), если он был глухим в языке-источнике, но озвончается, если в языке-источнике он был звонким. Сохраняется глухость -т в интервокальном положении, в частности, в словообразовательном показателе женского рода -at в арабских заимствованиях. Примеры: туркм. хаййа:т — -ты (араб.) «жизнь», а:дат — -ты (араб.) «обычай», анайат — -ты (араб.) «помощь»; ср. арм.т — -ды (перс.) «груша», а:мат — -ды (араб.) «подходящий момент» и др. Аналогично — в турецком и азербайджанском. Сказанное о конечном -т в общем можно распространить также на -п и -ч.

Таким образом, и здесь очевидно, что явление озвончения глухих согласных нуждается еще в дополнительных исследованиях, и с уверенностью предложить достоверные схемы их озвончения/неозвончения пока нельзя.

В современных тюркских языках, пишет автор, «... почти все конечные звонкие вторичны и восходят к глухим» (стр. 95). На деле в разных тюркских языках представлены как весьма старые, так и новые формы слов с конечным звонким согласным. О древности морфологических -з, -ж и, вероятно, -д в целом ряде основ вообще нет смысла спорить, поскольку названные конечные звонкие следуют после кратких гласных.

Едва ли есть основания расширять понятие умлаута путем включения сюда других случаев регрессивной ассимиляции гласных (стр. 64—65): губной ассимиляции, хорошо прослеживаемой в старейших тюркоязычных памятниках, когда под влиянием закрытого губного гласного аффикса огубляется негубной открытый гласный в двухсложных основах, и ас-

¹³ В частности, необходимо учитывать и случаи, в которых нельзя категорически исключать действия регрессивной дистантной ассимиляции по глухости, на что указывал в последнее время Г. Дёрфер.

симиляции по подъему, когда под влиянием закрытого гласного аффикса сужается открытый гласный первого слога в двухсложных словах. Обе разновидности ассимиляции имеют разные источники и разную природу, отличную от умлаута.

Редукция узких гласных (стр. 62 и сл.), их оглушение, сужение широкого гласного, наблюдаемые в неодносложных словах, хорошо известны и в односложных основах; ср.: крым.-тат. *кыр* «грязь» и *кӱр* «вход», *тӱш* «сон» и *тӱш* «сходи (с повозки, поезда, лошади и т. п.)».

Могут вызвать недоумение термины «карлукский», «карлукско-уйгурские» языки: вряд ли кому удалось бы сегодня хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать, например, «карлукский язык» и, тем более — группу «карлукских языков». В списке древних языков пропущены староазербайджанский, старокипчакские, хотя приведен старотурецкий. Ссылки на высказанные в тюркологии взгляды об исходном составе тюркского слога (стр. 109—110) можно было бы дополнить важным для вопроса изложением точки зрения В. Котвича.

Некоторые неточности. Азерб. *к-* (орфограф. *з-*) — не щелевой (как это зафиксировано на стр. 94, 127, 137 и сл.), а смычный согласный, что уже выяснено экспериментальным путем. Азербайджанские слова с велярной огласовкой в ауслауте

имеют не *i*, а *ɛ* (стр. 96—97). На стр. 56 (см. также стр. 60—61, 68—69, 86—87 и сл.) приведены туркменские формы: *ɛaj-*, *ɛān*, *ɛār-*, *ɛaɬ* и др. Однако в туркменском *ɛ-* в анлауте не бывает¹⁴. Начальную туркм. орфогр. *ɛ* = звонкому *ɛ*².

Книга А. М. Щербака точно отражает состояние современной тюркской фонетической дисциплины, убедительно свидетельствуя, на какие вопросы относительно фонетического строя тюркских языков сегодня можно получить достаточно обоснованный ответ и на какие вопросы ответ пока отсутствует или недостаточно обоснован.

Некоторые из вопросов второго рода были проиллюстрированы изложенными выше замечаниями, которые имеют целью привлечь внимание специалистов к недостаточно обследованным фонетическим явлениям в тюркских языках, природы, закономерности и границы которых могут быть выяснены лишь при изучении их с тем охватом, глубиной и тщательностью, с какими удалось А. М. Щербаку проанализировать многие вопросы в его ценной книге «Сравнительная фонетика тюркских языков».

Э. В. Севортян

¹⁴ «Грамматика туркменского языка», стр. 54 (2. 6).

Г. Г. Почепцов. Конструктивный анализ структуры предложения. — Киев, «Вища школа», 1971. 191 стр.

Рецензируемая работа состоит из предисловия, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников примеров. В первой главе дается критический разбор современных теорий анализа предложения. Во второй главе читатель найдет общие принципы предлагаемого Г. Г. Почепцовым метода конструктивного членения предложения, а в третьей, основной, описывается структура простого предложения современного английского языка в рамках предложенной теории.

Автор ставит своей задачей дать исчерпывающее описание простого предложения. Для этого предлагается система из 39 баз ядерных предложений (стр. 87—108), состоящих преимущественно из полнозначного глагола-сказуемого в его данном лексико-грамматическом значении и обязательного окружения. Некоторые члены баз также в обязательном порядке связаны с другими элементами, входящими в ядерные предложения (стр. 111—113). Затем предлагается серия синтаксических процессов,

распространяющих само ядро или уже распространенные члены предложения (стр. 113—171). В этой части модели простого предложения автор предлагает новые, довольно прозрачные и удачные термины. Синтаксические процессы — это *расширение*, охватывающее сочинительные и пояснительно-уточнительные связи; *усложнение*, которое покрывает различные виды довольно широко понимаемого составного глагольного сказуемого, полупредикативные построения (например, объективно-предикативный член), а также сочетания количественного числительного с существительным; *совмещение*, в рамках которого очень удачно описывается так называемое двойное сказуемое (*Voltaire left France, a poet*); *развертывание*, соответствующее большинству сочетаний с традиционными атрибутивными, объектными и адвербиальными связями; *присоединение*, или модификация с помощью частицы; и, наконец, *включение*, иными словами, довольно широко понимаемая вводность. Кроме того, упоминаются такие языко-